

ЭТНИЗАЦИЯ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА / ETHNICIZATION AS RESEARCH TOPIC

Серия «Политология. Религиоведение»

2014. Т. 10. С. 8–19

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

УДК 39(571.1/.5)(091)

Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества

В. И. Дятлов, К. В. Григоричев

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Ключевой характеристикой переселенческого общества востока России была и остается поликультурность, сформировавшаяся в результате синтеза гетерогенного аборигенного населения с не менее разнообразным пришлым, мигрантским. Когда и каким образом это разнообразие стало восприниматься как этническое (национальное в отечественной традиции), какова динамика и основные характеристики этого процесса в условиях радикальных общественных и политических перемен в стране, частью которой была и остается Сибирь? Авторы формулируют эту проблему в категориях процесса «этнизации». Насколько сибирским городам, частью трансформировавшимся из элементов досоветского имперского пространства, частью развивавшимся как сугубо советский проект, присуща этничность как свойство городского пространства? Каковы функции этничности и этнизации городского пространства в жизни поздне- и постсоветского города? Здесь важны и интересны как сам феномен этнизации, его причины и механизмы, так и специфика его проявления в переселенческом обществе Востока России. Авторы считают, что процесс этнизации, т. е. актуализации этнического фактора в повседневной жизни, социальных и политических отношениях, в механизме формирования социальных связей и отношений, маркировании их этническими категориями, начался в эпоху разложения сословных отношений позднеимперского периода. Первая мировая и Гражданская войны ускорили этот процесс. Новые формы и масштабы он принял в результате «национальной политики» советской власти, в процессе разнообразных «национальных проектов», инициатором и основным актором которых было государство. Отличием постсоветской эпохи стал переход от этнизации как государственного проекта к процессу саморазвития. Этнизация становится результатом и свойством комплекса политических, социальных, экономических, демографических процессов, имеющих собственную логику и динамику.

Ключевые слова: Сибирь, переселенческое общество, этнизация, городское пространство, миграции, этнический проект, национальная политика, этнические рынки.

Исследование этномиграционных процессов и их воздействия на переселенческое сибирское общество ставит чрезвычайно сложную и интересную проблему этнизации городского пространства. Насколько сибирским городам, частью трансформировавшимся из элементов досоветского имперского пространства, частью развивавшимся как сугубо советский проект, присуща

этничность как свойство городского пространства? Каковы функции этничности и этнизации городского пространства в жизни поздне- и постсоветского города? Чем и кем актуализируется и используется здесь этничность? Здесь важны и интересны как сам феномен этнизации, его причины и механизмы, так и специфика его проявления в переселенческом обществе востока России.

В основе генезиса этого общества лежал, и во многом лежит до сих пор, сложнейший процесс синтеза переселенческого и аборигенного населения, первопоселенцев и новопоселенцев. Синтеза культурного, экономического, социального. При этом необходимо иметь в виду как гетерогенность аборигенного населения, огромное многообразие его типов, так и не меньшее разнообразие населения пришлого. Причем это пришлое население постепенно укореняется, «осибирячивается», приобретая новые черты культуры, меняя (иногда радикально) старые. Менялось и аборигенное население. Синтез происходит в контексте сильной имперской власти, на базе русского языка и культуры, на основе привносимых из-за Урала экономических укладов и технологий, в экстремально тяжелых условиях жизни, при отсутствии надежных коммуникаций и недонаселенности региона. Критически важен здесь и стадийный контекст – переселенческое общество формировалось как часть общества сословного, традиционалистского, вступившего затем в эпоху модернизации. Различные стратегии модернизации (эпохи поздней империи, советской власти, постсоветских трансформаций) задавали его сущностные характеристики, ставя иногда под вопрос его переселенческий характер.

Но при всех этих переменах миграции всегда были и остаются непременным условием существования и развития переселенческого общества. Важная характеристика этих миграционных процессов – гетерогенный характер его участников. Представители различных региональных, сословных, конфессиональных групп по собственной воле или принудительно становились сибиряками. С эпохой Модерна становятся чрезвычайно значимыми их этнические характеристики и миграционные потоки воспринимаются уже как *этнически* разнородные и разнообразные. Этническое разнообразие происхождения сибирского общества начинает оцениваться как важнейшая его характеристика, а рассказы о том, «сколько кровей намешано» в семейных историях, становятся любимым занятием коренных сибиряков.

При этом особенно интенсивной рефлексии относительно природы этничности не наблюдается (за исключением, конечно, некоторых профессионалов-гуманитариев), но довольно уверенно можно утверждать, что в быденном сознании господствовали и господствуют до сих пор стихийно-примордиалистские представления на этот счет.

При всей значимости этнического фактора для большинства сибиряков его роль в регулировании общественных отношений, в механизме формирования сети социальных связей и их функционировании не остается неизменной. Нельзя также говорить об устойчивой тенденции возрастания или снижения его роли. Это, скорее, ситуативный фактор, зависящий от времени, места и обстоятельств, что и позволяет ставить вопрос об этнизации отношений в общественном пространстве.

Сама постановка вопроса об этнизации подразумевает процесс перехода от неэтнического к этническому состоянию. Между тем в XX в. значение этничности для общества и для отдельного человека было (и остается сейчас) так велико, что трудно представить себе отсутствие этнического фактора (национальности, говоря советским языком) в повседневной жизни и властной организации общества. Стоит вспомнить только значение «пятого пункта» в советскую эпоху. Подавляющая часть горожан осознают себя этнофорами, носителями некой национальности и при необходимости выстраивают свое поведение в соответствии с этим. Нынешнее отсутствие «пятого пункта» этому не мешает.

Поэтому здесь возможны несколько вариантов ответа на этот вопрос: 1) сама постановка проблемы подобным образом некорректна; 2) этнизация возможна как единовременный акт перехода от неэтнического к этническому состоянию; 3) этнизацию можно понимать как результат актуализации этнического фактора под воздействием неких важных причин и обстоятельств; 4) этнизация выступает как способ «называния» привычным набором терминов новых явлений, с придачей «этническим» категориям новых смыслов и коннотаций. Иначе говоря, в жизни городских сообществ могут наступить такие обстоятельства, что этническая идентификация и самоидентификация выступает на первый план и диктует стратегии и практики поведения значительных масс людей. Примем третий вариант в качестве исходной гипотезы (второй вариант может расцениваться как его частный случай), последний же может стать производным от основного.

В таком случае наша задача состоит в том, чтобы на примере отдельных случаев, кейсов посмотреть, в результате каких причин и каким образом происходит актуализация этничности в качестве важного, возможно ключевого, фактора при регулировании общественных отношений в городском пространстве, при самоопределении и самоидентификации его обитателей. Иначе говоря, ситуаций, при которых чувство этнической принадлежности начинает диктовать образ жизни и модель поведения значимого числа горожан, когда в городе появляются этнически маркированные объекты, поля отношений, а демонстрация этничности становится частью повседневности.

Понятно, что к решению этой задачи можно подойти с разных сторон. Продолжая оправдавшую себя традицию серии предшествующих проектов нашего исследовательского коллектива [8, с. 211–296], мы попытаемся сделать это через анализ конкретных случаев и ситуаций. Однако такой подход делает необходимым выстраивание некой общей рамки, предполагает обзор исторической динамики развития проблемы, чему и будет посвящена эта статья.

Сословный характер организации дореволюционного общества вел, среди всего прочего, к формированию общественных пространств, которые со временем начинают восприниматься в качестве этнически маркированных. Это еврейские, мусульманские, цыганские улицы или районы, немецкие, еврейские и мусульманские кладбища, храмы. Создаются и активно функционируют религиозные общины, благотворительные, культурные организации, школы и т. д.

Возникнув в качестве сословных, как правило конфессиональных, структур и феноменов, к концу имперского периода они этнизируются, приобретают национальную окраску или новое содержание и функции, понимаемые как национальные. Тогда и появляются такие устойчивые (по сути, внутренне глубоко противоречивые) понятия, как «татарская мечеть» или «польский костел» в Иркутске. Даже чисто конфессиональные институты и объекты начинают рассматриваться как принадлежность национальной жизни, часть национальной культуры. Религиозные (иудейские, лютеранские и т. д.) школы трансформируются в национальные еврейские, немецкие. Благотворительные и культурные общества обретают светский и вместе с этим национальный характер.

Активно функционируют национальные политические движения и организации – еврейские сионисты и Бунд, корейские националистические партии и т. д. Результатом столыпинской переселенческой политики стало появление польских, немецких, латышских и т. д. деревень. Даже такой сугубо религиозный феномен как переселенческие деревенские общины меннонитов, начинает рассматриваться в этнических категориях. Проблема – немцы меннониты или не немцы – чрезвычайно волновала общество и власти во время Первой мировой войны.

На Дальнем Востоке – китайские и корейские кварталы и деревни, до 1900 г. – фактически экстерриториальный район «зазейских маньчжур», китайские рынки, китайские и японские торговые и ремесленные предприятия, рестораны и харчевни, японские публичные дома. Активны и влиятельны китайские, корейские и японские общины и общинные институты, иногда претендующие на роль квази-государственных структур. Отношение к ним официальных властей колебалось от сдержанно-одобрительного до враждебного. Не было только равнодушного игнорирования, что подразумевало признание их важными контрагентами, с которыми необходимо считаться.

Таким образом, сочетание мощных миграционных процессов (среди которых необходимо выделить огромные потоки столыпинских переселенцев и китайских, корейских и японских трансграничных трудовых мигрантов) с разложением сословной системы и процессами нациестроительства в Империи привели ко времени революции к заметной этнизации общественного пространства переселенческого общества Востока России.

Первая мировая война резко ускорила развитие этих процессов. Теперь уже государство становится их главным актором. Важной частью общественной жизни и государственной политики становится германофобия. Репрессии против подданных вражеских государств (интернирование, депортации и секвестр собственности) распространяются и на российских подданных «враждебных» или «подозрительных» национальностей (российских немцев и евреев особенно). С другой стороны, от репрессий освобождаются военнопленные некоторых славянских национальностей (чехи, словаки, сербы и т. д.) [4]. Массовый приток в Сибирь эвакуированных или депортированных жителей прифронтовых территорий привел к созданию благотворительных организаций для помощи им по этническому принципу (особенно активны были поль-

ские и еврейские организации). Начинается процесс формирования воинских частей на этнической основе, ускорившийся после Февральской революции.

Во время революции и Гражданской войны, когда крах российской государственности до предела обострил спрос на механизмы и институты общественной самоорганизации, процессы этнизации резко усиливаются. Они принимают различные формы – от расцвета общественной и культурной жизни национальных сообществ (осознающих себя и идентифицирующих себя именно в этом качестве) [7] до создания национальных воинских формирований и борьбы за государственное национальное самоопределение. В Дальневосточной республике начинается эксперимент по реализации доктрины национально-культурной автономии [8, с. 422–451]. Масса людей, ранее вполне индифферентных к своей национальности (или вообще не рассматривавших себя в этих категориях), начинают осуществлять свои жизненные стратегии и практики обыденной жизни в качестве этнофоров.

В первые годы советской власти процессы этнизации общественных отношений еще более ускорились [5]. Этничность, наряду с классовым критерием, была взята за одну из основ переформатирования общества. Начинаются эксперименты с социальной инженерией, с созданием и пересозданием «национальностей». Человек приписывается к этнической группе, его заставляют соответствующим образом самоопределяться постановкой вопросов переписей населения, анкет, похозяйственных книг, системой предпочтений и ограничений по этническому признаку. Вводится обязательный «пятый пункт» в паспортах, анкетах и других персональных документах. Создаются административно-политические национальные образования (от союзных республик до национальных сельсоветов), проводится политика «коренизации».

Ключевая характеристика ситуации при советской власти – национальное проектирование. В соответствии с этим – пристальное внимание к этническим проблемам, их актуализация во всех сферах общественной жизни. Однако в соответствии с эволюцией советской власти менялись и проекты, что прямо отражалось на процессах этнизации общественного пространства.

Национальное строительство 1920-х гг. плавно перешло в борьбу против «буржуазного национализма» и в проект создания «советской нации» и «новой исторической общности – советский народ». Последствия были чрезвычайно противоречивы. Переформатирование общества по национальному признаку («пятый пункт») сочетается с вытеснением этничности из практик обыденной жизни. В городах исчезают этнически маркированные общественные пространства – национальные организации, сообщества, культовые объекты. И только «татарская мечеть» и «польский костел», на долгие годы утратившие свою прямую функцию храмов, остались такими в общественной памяти. Еще старые еврейское, мусульманское и немецкое кладбища... Вот и все, пожалуй. Новая топонимика Иркутска, где в названиях улиц присутствуют и «польские повстанцы» с «красными мадьярами», и Фурье с Маратом, и Роза Люксембург с Карлом Либкнехтом, и красный партизан Нестор Каландаришвили с чешским интернационалистом Я. Гашеком, и чекисты Дзержинский с Трилиссером, и даже казахский акын Джамбул, соотносится

больше с революционной, а не с этнической традицией, демонстрирует интернационализм и советскость. Стало не принято демонстрировать свою этничность в публичной сфере, тем более выстраивать опирающиеся на нее жизненные стратегии и практики. В качестве гипотезы можно говорить о деэтнизации городского пространства в позднесоветскую эпоху.

Исключение, однако чрезвычайно важное, – ситуация в национальных автономиях. Здесь проводился противоречивый, неоднократно меняющийся, но не прекращавшийся проект выращивания наций. Невероятно интересен случай дореволюционного, чисто русского по населению уездного города Верхнеудинска, назначенного советской властью быть столицей формируемой бурятской автономии, ставшего в результате основной площадкой и механизмом формирования современной городской бурятской нации. Он не просто сменил название, став Улан-Удэ. Изменилась его этническая структура, изменились функции и система отношений и связей. Теперь это уже не только региональный центр, город в сельском окружении, осуществлявший традиционные для этой роли функции организации власти, снабжения, образования и т. д. Улан-Удэ становится «национальной столицей», центром бурятской нации. Известный бурятский ученый и общественный деятель Т. М. Михайлов назвал его выражением национального духа: «Буряты... в большинстве своем остались на земле предков, сохранили свой Дом. Под этим домом подразумевается, по сути, Республика Бурятия с ее центром – городом Улан-Удэ, ибо здесь средоточие национального духа» [6, с. 21].

Этничность сразу становится важнейшей функцией города – с момента назначения его столицей. Сначала – символическая, но вскоре, с появлением бурятской городской элиты и началом массовой урбанизации Бурятии, этничность Улан-Удэ наполнилась и реальным содержанием. Стоит еще раз повторить, что Улан-Удэ стал не просто результатом этнического (национального в категориях отечественной традиции) проекта. Это был проект имперский, во многом совпавший, конечно, с формирующимся проектом европейски образованной бурятской элиты. Сама функция столицы *национальной* автономии, сопровождаемая политикой коренизации, выращиванием бурятской культурной и административно-политической элиты, официальным существованием статуса титульной нации, – все это и многое другое делало массу общественных отношений и связей этнически окрашенными, а этнический фактор – высокоактуальным в повседневной жизни.

История Улан-Удэ не уникальна на пространстве бывшей Российской империи. Немецкий по большинству населения, языку общения, образу жизни, управлению, Ревель постепенно менял свой национальный состав в результате модернизации, урбанизации и притока эстонского населения хинтерланда. Город становится площадкой, средой его современного национального развития, а затем и столицей независимого эстонского государства [12]. Таким образом, сначала хинтерланд приспособливался к инациональному городу, а затем начинает его осваивать и преобразовывать.

Еще более показателен случай Вильно, ставшего Вильнюсом. Губернский город Российской империи, в многонациональном и поликонфессиональном

нальном населении которого почти не было литовцев, в проекте литовского национального строительства был избран в качестве столицы, главного города формирующейся литовской нации. Основанием для такого выбора стал символический фактор, историческая традиция, память о Великом княжестве Литовском [11]. Реализовалась эта функция при советской власти, когда Вильнюс стал столицей Литовской ССР [10]. Это был не просто новый статус, но и радикально новые функции, новая система отношений и связей, этнически новая структура населения. В этом случае в чем-то и на какое-то время совпали различные конкурирующие национальные проекты.

Можно предположить, что в позднесоветскую эпоху этническое городское пространство было преимущественно там, где город включался в этнический проект, где это было предписано властью или ею разрешалось. Возможно, к концу этого периода стали появляться новые и независимые от политики государства этнически окрашенные объекты общественного пространства. Пристальное внимание горожан привлекали многочисленные сезонные строительные бригады выходцев с Кавказа (широко известные как «армяне», хотя это могли быть и чеченцы, дагестанцы, выходцы из других республик региона). Еще более заметны были рыночные торговцы овощами, фруктами и цветами, маркированные принимающим обществом как «кавказцы» или «лица кавказской национальности» (последний термин – бюрократического происхождения и преимущественного употребления). Это явные этнизированные объекты внимания и отношения, что не снимает вопроса о том, не выделялись ли привычными этническими категориями некие социально-профессиональные группы, рыночные модели поведения и образа жизни в нерыночном обществе. Можно предположить, что настороженное внимание, выраженное в этнических категориях, вызывалось не столько этничностью представителей этих групп, сколько отличающейся моделью поведения, связанной с рыночной специализацией. И этот пример актуализации этничности демонстрирует стрессовую реакцию на новое и чужое именно в социальной жизни.

В идеологической сфере последних лет советской власти набирает силу и постепенно легализируется в качестве литературного направления «русский проект», создающий русско-маркированный сегмент пространства города. Несмотря на свою литературность и элитный характер, этот феномен сыграл огромную роль в грядущем вскоре бурном процессе этнизации.

Процесс этот стал неотъемлемой составной частью окончательного краха советской системы отношений и связей, советской идеологии и системы ценностей. Уже сам распад Советского Союза по линиям административно-политических образований, созданных по этническому признаку, преобладающий в большинстве новых государств курс на создание этнонаций, потребность в замене прежней идеологии – все это сделало национальную проблематику чрезвычайно актуальной и востребованной.

Видимым результатом этого сдвига стало создание практически во всех крупных городах региона национально-культурных обществ и автономий. Массовость и практически одновременность этого дает основание предпола-

гать, что вначале была инициатива властей, тоже в каком-то смысле – проект. Однако то, что властная инициатива не заглохла, подобно многим другим, свидетельствовало о ее массовой поддержке. Национально-культурные общества зажили собственной жизнью, решая проблемы национального представительства, функции информационного канала во взаимоотношениях с властями, инструмента связей с «историческими родинками», удовлетворяя национальные культурные потребности своих членов и т. д. [2]. Активно действуют конфессиональные структуры и институты, также часто рассматриваемые в категориях этнической принадлежности. Появляются и внегородские этнические территории. Сибирские деревни, населенные потомками польских или белорусских столыпинских переселенцев, становятся польскими или белорусскими деревнями.

Возникают политические партии и движения, декларирующие приверженность этническим приоритетам и ценностям, соответствующие газеты, а затем и большие секторы Интернета. В качестве отдельного направления работы региональных и, отчасти, муниципальных властей выделилась так называемая национальная политика. Ею занимаются специальные чиновники, выделяются небольшие, но символически значимые ресурсы. Проводятся (в том числе и в рамках этой политики) фестивали национальной культуры, этнические праздники. На федеральном уровне принимаются законы и различного рода подзаконные акты и инструкции. Они так или иначе транслируются и, хотя бы декларативно, претворяются в жизнь на местном уровне. Проблемы «национальных отношений» и «национальных конфликтов» бурно обсуждаются в массмедиа.

Катализатором и мощным фактором этнизации городского пространства стали процессы трансграничных миграций. С такими масштабами и с такой огромной ролью в экономике и общественной жизни внешних миграций Россия еще не сталкивалась в своей истории. Для переселенческого общества востока России сопоставимым явлением была только миграция китайских трудовых мигрантов на Дальний Восток. Как и тогда, внешние трудовые мигранты становятся решающим фактором экономической жизни и поддержания жизнедеятельности общества. Одновременно это мощный раздражающий фактор, источник многих страхов и опасений, предмет бурных обсуждений [1].

И обществом, и властями миграционные проблемы и неизбежные конфликты рассматриваются преимущественно в этнических категориях. Поэтому сформировавшиеся уже мигрантские кластеры сибирских и дальневосточных городов перевели процесс этнизации общественного пространства в новое качество.

Бурно обсуждается, в частности, перспектива формирования «чайна-таунов» – понимаемых как абсолютно замкнутые, непроницаемые для принимающего общества и властей, даже экстерриториальные образования, угроза для безопасности и даже территориальной целостности страны. Для многих политиков, чиновников, журналистов и даже ученых «чайна-тауны» – уже существующая реальность, никто, правда, не смог сослаться на их кон-

кретный пример. Хотя «чайна-таунов» в России пока нет (и неизвестно – будут ли они), но проблема «чайна-таунов» уже есть [9].

Отдельного разговора заслуживают «этнические» рынки, прежде всего «китайские». Возникнув в конце 1980-х – начале 1990-х гг., они играли огромную роль в насыщении практически пустого рынка потребительских товаров, в снабжении населения, особенно преобладавших численно слоев с низкими доходами. Они были важными логистическими центрами, узлами снабжения целых регионов, эффективным механизмом продвижения китайских товаров на российские рынки. На них концентрировалась значительная часть деловой активности и социальной жизни трансграничных трудовых мигрантов. Одновременно рынки оказались местом встречи представителей различных культур и народов, привычной площадкой их повседневного и тесного контакта. Эти рынки не были мононациональными. На китайских рынках обычно значительная часть торговцев и почти весь обслуживающий персонал не были китайцами. Но китайскими их делало мнение населения. Кроме рынков этнически маркированными оказались места жительства мигрантов (гостиницы, общежития), предприятия этнического общепита.

Таким образом, слабо этнизированное пространство сибирских и дальневосточных городов (за исключением национальных автономий) вдруг расцветилось многообразием видимой и рефлекслируемой национальной жизни, переживая всплеск этнизации. Теперь это уже не столько результат целенаправленных государственных проектов, сколько следствие самостоятельно развивающихся экономических, политических, миграционных процессов. Однако логика этого развития все чаще уходит от первоначального содержания, вкладывавшегося в этнические категории еще в начале 1990-х гг.

Так, «этнические» рынки (как и многие иные объекты «этнической» экономики) все более явно уходят из плоскости этнической в сферу сугубо экономическую. Их этническая специфика все более становится маркером особого сегмента локальной (городской) экономики, занимающего нишу между организованной торговлей и полностью неформальными торгово-экономическими практиками. Сопутствующая инфраструктура, продолжая выполнять функции обеспечения жизнедеятельности рынка, становится и, главное, воспринимается как часть городского пространства, как явление, органично связанное именно с этим сегментом городской экономики и видом городского пространства. Вслед за местными сообществами видеть специфичное городское пространство за «этническими» определениями рынка начинают и власть, и бизнес. Не случайно последние проекты ликвидации «Шанхая» в центре Иркутска связаны не столько с уничтожением этнического рынка, сколько с идеями масштабной джентрификации значительной части городского пространства, далеко выходящей за собственно рыночное пространство.

Наиболее ярким примером этого явления стал перенос основной части «китайского» рынка из центра Иркутска на территорию строительного рынка «Покровский». Последний, возникнув на окраине промышленной зоны и частного сектора, более двадцати лет закреплял за этой частью городского пространства строго определенную функцию: обеспечение строительными мате-

риалами жителей Ленинского района, предместья Рабочее и в последние годы – растущих пригородов Иркутска. В силу специфики населения и схемы организации общественного транспорта, торговли товарами массового спроса здесь никогда не было. С лета 2014 г., всего за нескольких месяцев, была проведена кампания по перевозу торговцев с «Шанхайки» на эту площадку, агрессивно рекламируемую именно как «китайский» рынок. Обилие этнических маркеров в самых неожиданных сочетаниях («китайская» символика здесь соседствует с рекламой товаров из Киргизии и кафе в юрте нетрадиционной конструкции, отсылающей не к Бурятии или Киргизии, а скорее, к кочевому миру вообще) призвано закрепить за пространством не столько некий этнический статус, сколько новые, не свойственные ему ранее функции.

В этом процессе важным представляется не только его содержание, хотя практики использования этничности в маркировании функций городского пространства – тема сама по себе новая для сибирского города и потому интересная. Важнее то, что субъектами этого процесса становятся власть и, главное, бизнес. Включение ими механизмов этнизации городского пространства в свои практики превращает этничность в постсоветском сибирском городе из социокультурной сущности в совершенно *инструментальное* явление. Явление, инструментальность которого лежит уже не в политической сфере (в самом широком смысле – от электоральных и иных мобилизационных процессов до обособления «национального» в общественной жизни), а в прагматично-хозяйственной плоскости. Этничность в деятельности ключевых субъектов городской жизни становится инструментом формирования пространства города, изменения функций тех или иных локальностей, практически не сохраняя своей первоначальной идентификационной нагрузки. В этом смысле этнизация городского пространства уже не обязательно означает появление в жизни города тех или иных этнических («национальных» – в привычных горожанину терминах) практик. Через этнические маркеры на городские улицы приходит новый набор практик, смыслов и образов, не тождественных этническим проектам предшествующего столетия.

Список литературы

1. Дятлов В. Выгоды и риски миграции для России / В. Дятлов // Миграция в России. 2000–2012. В 3 т. Т. 1, ч. 1 : хрестоматия / НП Российский совет по международным делам ; под общ. ред. И. С. Иванова ; отв. ред. Ж. А. Зайончковская. – М. : Спецкнига, 2013. – С. 282–289.
2. Калугина Г. Национально-культурные общества: посреднические и коммуникативные функции в городском сообществе (на примере Иркутска) / Г. Калугина // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. – Иркутск : Оттиск, 2012. – С. 353–368.
4. Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / Э. Лор ; пер. с англ. В. Макарова. – М. : Новое лит. обозрение, 2012. – 304 с.
5. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин. – М. : РОССЛЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 666 с.

6. Михайлов Т. М. Национальное самосознание и менталитет бурятского народа / Т. М. Михайлов // Современное положение бурятского народа и перспективы развития. – Улан-Удэ, 1996. – С. 18–25.

7. Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.) / И. В. Нам. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. – 500 с.

8. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / науч. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. – Иркутск : Отгиск, 2013. – 624 с.

9. Специальная тема номера: «Чайнатауны» в России / отв. ред. В. И. Дятлов // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 4. – С. 3–58.

10. Davoliute V. Postwar Reconstruction and the Imperial Sublime in Vilnius during Late Stalinism / Violeta Davoliute // *Ab Imperio*. – 2014. – № 1. – P. 176–203.

11. Staliunas D. Making a National Capital out of a Multiethnic City: Lithuanians and Vilnius in Late Imperial Russia / Darius Staliunas // *Ab Imperio*. – 2014. – № 1. – P. 157–175.

12. Woodworth B. D. Patterns of Civil Society in the Modernizing Multiethnic City: A German Town in the Russian Empire Becomes Estonian / Bradley D. Woodworth // *Ab Imperio*. – 2006. – № 2. – P. 135–162.

Siberia: the Dynamics of Urban Space Ethnicization in the Resettlement Society

V. I. Dyatlov, K. V. Grigoriev

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Multiculturalism, which was formed as a result of the synthesis of heterogeneous aboriginal population with migrant one was and remains a key feature of the resettlement community of eastern Russia. When and how this diversity began to be perceived as ethnic («national» in Russia's tradition), what is the dynamics and basic characteristics of this process under conditions of radical social and political changes in the country, part of which was and still is Siberia? The authors formulate the problem in terms of the process of «ethnicization». To what degree ethnicity as a property of the urban space is inherent of siberian cities, which partly transformed on the base of the elements of the pre-Soviet imperial space, partly developing as a purely Soviet project? What are functions of ethnicity and ethnicization of urban space in the life of the late- and post-Soviet city? The phenomenon of ethnicization, its causes and mechanisms, as well as the specifics of its manifestations in the resettlement community of eastern Russia are equally important and interesting in the within this point of view. The authors believe that the process of ethnicization, i. e. actualization of the ethnic factor in everyday life, social and political relations, in the mechanism of the formation of social networks and relationships, their marking by the ethnic categories, began during the decay of estate relations in the late imperial period. World War I and the Civil War accelerated this process. It acquired new forms and scales as a result of «national policy» of Soviet power in the framework of various «national projects», the initiator and the main actor of which was the state. According to authors' opinion, transition from «ethnicization» as a state project to self-development process became the main difference of post-Soviet era. Ethnicization becomes the result and feature of a number of political, social, economic and demographic processes that have their own logics and dynamics.

Keywords: Siberia, the resettlement society, ethnicization, urban space, migration, ethnic project, national policies, ethnic markets.

Дятлов Виктор Иннокентьевич

доктор исторических наук, профессор,
кафедра мировой истории
и международных отношений,
исторический факультет,
заместитель главного редактора
Научный журнал «Дiasпоры»
119034, Москва, Б. Левшинский пер.,
д. 8/1, стр. 2
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)241974
e-mail: vikdyatlov@yandex.ru

Григоричев Константин Вадимович

кандидат исторических наук, начальник
научно-исследовательской части,
руководитель лаборатории исторической
и политической демографии
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-310
тел.: 8(3952)521551
e-mail: kvg@isu.ru

Dyatlov Viktor Innokentievich

Doctor of Sciences (History),
Professor, Department of World History
and International Relations, Historical
Faculty
Deputy Chief Editor
the scholarly journal «Diasporas»
str. 1, 8/1, B. Levshinskii per.,
Moscow, 119034
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)241974
e-mail: vikdyatlov@yandex.ru

Grigoriev Konstantin Vadimovich

Candidate of Sciences (History),
Head of the Research Department,
Head of the Laboratory of Historical
and Political Demography
Irkutsk State University
1-310, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)521551
e-mail: kvg@isu.ru